

Попов С. Г. Ректор Московской Духовной Академии прот.
Александр Васильевич Горский: (Опыт биографического очерка) //
Богословский вестник 1896. Т. 1. № 2. С. 215–241 (2-я пагин.).
(Продолжение.)

Ректоръ Московской Духовной Академіи
ПРОТОІЕРЕЙ
АЛЕКСАНДРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОРСКІЙ,
(Опытъ біографическаго очерка) ¹⁾.

Академія въ то время, когда въ ней приходилось учить-ся А. В-чу, многимъ отличалась отъ настоящей и по устройству своему, и по порядкамъ, и по самому быту студентовъ. Испушеніе посвятить здѣсь нѣсколько страницъ ей тѣмъ сильнѣе для насъ, что представляетъ случай воскресить предъ собой давнишнее—прошлое дорогой нашей *almae matris*.

Стѣны Академіи, и онѣ теперь уже не тѣ, что были въ старину, въ годы ученія А. В-ча. Съ тѣхъ поръ много воды утекло. Академія успѣла нѣсколько разъ и перестроиться и передѣлаться. Главный теперь корпусъ, столовая, библіотека, больница, баня—это все новыя постройки, сороковыхъ и позднѣйшихъ годовъ; нетронутымъ отъ того времени уцѣлѣлъ лишь инспекторскій корпусъ, да ректорскій, — „чертоги“, по прежнему. Но и этотъ во многихъ своихъ частяхъ потерпѣлъ значительныя съ тѣхъ поръ видоизмѣненія. Наружныя стѣны его были покрыты свѣтловатою краскою; входныхъ въ него крыльцевъ не существовало. На мѣстѣ чугунныхъ теперь лѣстницъ во второй этажъ были деревянные. Расположеніе и назначеніе комнатъ внутри было не то. Въ трехъ комнатахъ теперешней актовой залы тогда помѣщалась конференція, правленіе и канцелярія правленія. Арокъ, соединяющихъ теперь комнаты, тогда не было, онѣ

¹⁾ Продолженіе. См. Январь.

пробиты послѣ. Двѣ оригинальныя кафельныя печи и рельефныя на сводахъ изображенія существовали и тогда. Среднюю часть этажа занималъ ректоръ; а на мѣстѣ большей части нынѣшней академической церкви ¹⁾ была зала для публичныхъ собраній, служившая вмѣстѣ съ тѣмъ и богословскою аудиторіею. Въ нижнемъ этажѣ по передней его сторонѣ, гдѣ теперь спальни и редакція, и въ смежной съ нею комнатѣ къ сѣверной монастырской стѣнѣ шли студенческія номера. Остальныя три теперешнія, по той же линіи, спальни были заняты кухней, хлѣбной и мелочной съ нѣкоторыми стѣстными припасами; а подъ церковью была столовая. Отъ самыхъ чертоговъ вплоть до восточной монастырской стѣны, на пространствѣ 40 сажень, тянулось узкое трехэтажное каменное зданіе—„кишка“, по студенческой кличкѣ, а по официальнымъ бумагамъ того времени—желтый корпусъ. Здѣсь квартировали профессора и бакалавры Академіи; впрочемъ въ одной комнатѣ помѣщались и студенты—монахи. Передній фасадъ обоихъ зданій выходилъ въ академическій садъ, тогда еще очень молодой, насаженный въ 1816 году на мѣстѣ семинарскаго огорода и зарытаго „писаревскаго“ пруда. Садъ былъ обнесенъ каменною стѣною съ рѣшетками и столбами. Черезъ дорогу отъ сада, вдоль монастырской восточной стѣны стоялъ „инспекторскій“ корпусъ. Въ немъ, въ верхнемъ этажѣ помѣщались инспекторъ и трое изъ монашествующихъ бакалавровъ Академіи; а въ нижнемъ жили младшіе студенты. Наша столовая въ то время служила фундаментальной бібліотекой. Въ нее вели два входа: одинъ отъ чертоговъ черезъ каменный корридоръ, другой, въ восточной стѣнѣ корпуса, — снаружи. — Кромѣ этихъ четырехъ зданій, въ распоряженіи Академіи были еще собственныя больница и баня, на томъ же мѣстѣ, гдѣ онѣ въ настоящее время. Та и другая были деревянныя, весьма ветхія, доставшіяся Академіи еще отъ Троицкой семинаріи. Въ одноэтажной, но довольно всетаки просторной и удобной больницѣ при А. В-чѣ цѣла была та аптека, надъ дверьми которой митр. Платонъ, въ напоминаніе, — говорятъ, — одному, не всегда трезвому лѣкарю приказалъ сдѣлать надпись: „врачу, исцѣлился самъ“. Простран-

¹⁾ Церкви въ Академіи тогда не было.

ство между больницей, баней, бібліотекой и желтымъ корпусомъ все было занято садомъ съ плодовыми деревьями. Срубленная въ прошломъ году близъ бани старая яблоня выросла, можетъ быть, отъ зернышка тѣхъ яблокъ, которыя кушали студенты при А. В.—чѣ ¹⁾.

Не тѣ были и порядки въ Академіи. Внутреннее управленіе ея сосредоточивалось тогда въ рукахъ конференціи и правленія. Но собственно къ студентамъ непосредственное отношеніе имѣлъ лишь инспекторъ Академіи. Онъ былъ ближайшимъ ихъ начальникомъ—въ смыслѣ административномъ. По дѣйствовавшему при А. В.—чѣ въ Академіи Уставу, онъ слѣдилъ за ихъ нравственностію и исполненіемъ правилъ и предписаній Устава. Надзоръ его не ограничивался тогда только внѣкласснымъ временемъ, но простирался и на учебные часы студентовъ. Въ виду того, что самъ онъ непосредственно не могъ во время классныхъ занятій наблюдать за студентами, помощниками ему въ этомъ являлись отчасти профессора, но главнымъ образомъ, такъ называемые „старшіе“. Послѣдніе опредѣлялись, на каждый номеръ по одному, академическимъ правленіемъ, по представленію инспектора, изъ „благонравнѣйшихъ“ и „отличныхъ“ студентовъ старшаго курса. Въ руководство каждому изъ нихъ дано была спеціально составленная для нихъ инструкція. По параграфу Устава, касающемуся ихъ, „должности старшихъ суть сокращеніе должностей самого инспектора въ отношеніи къ сословію, имъ ввѣренному“ ²⁾. Поэтому, инструкція вмѣняла имъ въ непремѣнную обязанность—каждый день въ 9 часовъ доносить инспектору о поведеніи студентовъ и о проступкахъ, ими замѣченныхъ; о происшествіяхъ же, заслуживающихъ особенное вниманіе, доносить ему безъ малѣйшаго промедленія ³⁾. Для собственной памяти они записывали въ особыхъ у каждого журналахъ: „а) замѣ-

¹⁾ Этотъ отдѣлъ составленъ нами по „Исторіи М. Д. Академіи“ С. К. Смирнова. См. 311—329 стр.—Срав. также воспоминавія гр. М. В. Толстаго въ Богосл. Вѣстникъ за 1894 годъ.

²⁾ § „Проекта Устана для Дух. Акад.“ СПб. 1823 г.

³⁾ Обыкновенно доносили записками такого содержанія: „въ номерѣ такомъ-то все благополучно. Студенты всѣ здоровы, занимались лекціями, особыхъ происшествій не было“. См. Богослов. Вѣстн. 1894, ноябр., стр. 374.—„Инструкціи комитетнымъ старшимъ“ ст. 33—у С. К. Смирнова, стр. 600.

чательные похвальные или предосудительные поступки студентовъ съ означеніемъ случая, причины и обстоятельство оныхъ; б) признаки природнаго характера соживущихъ съ ними, измѣненія сего характера и причины разныхъ состояній онаго; в) исправность или неисправность студентовъ, усердіе или маловнимательность ихъ въ домашнихъ учебныхъ занятіяхъ, въ занятіяхъ собственно нравственныхъ; г) въ немъ же помѣщали донесенія о хожденіи студентовъ къ богослуженію и въ классъ, о чтеніи молитвъ утреннихъ и вечернихъ и о вниманіи къ онымъ¹⁾. Журналы эти ежемѣсячно представлялись инспектору²⁾; а тотъ на основаніи ихъ и собственныхъ наблюденій составлялъ къ концу каждаго полугодія вѣдомость о поведеніи студентовъ, а къ концу года—общій списокъ по поведенію, обозначая его не баллами, но представляя въ видѣ разряднаго списка, какъ бы въ порядкѣ успѣховъ по поведенію³⁾. Время свое студенты по инструкціи должны были располагать такъ. Въ шесть часовъ въ зимнее время должны вставать; седьмой часъ употреблять на одѣяніе и молитву, совершаемую совокупно въ каждомъ номерѣ; восьмой на приготовленіе уроковъ. Въ инструкціи на этотъ счетъ особо замѣчено: „было-бы полезно, если бы каждый принимался за дѣло по прочтеніи какой нибудь главы изъ Св. Писанія“. Съ девятаго часа по первый, а потомъ съ третьяго по пятый всѣ должны оставлять комнаты и идти въ классъ. Здѣсь каждый долженъ занимать опредѣленное свое мѣсто, преподаваемые уроки слушать со вниманіемъ, давать отвѣты, или въ случаѣ сомнѣнія излагать свои мысли съ обдуманностію и скромно. Первый и второй часъ должны употреблять на обѣдъ и прогулку; въ продолженіи стола студенты должны соблюдать скромность и слушать предлагаемое чтеніе изъ святоотеческой литературы. Пятый часъ—употреблять на отдыхъ и прогулку; отлучку изъ академіи они не должны продолжать подъ рядъ 5 часовъ безъ испрошенія на то позволенія инспектора. Часы—шестой, седьмой и восьмой должны идти на домашнія упражненія. Относительно по-

1) „Инструкціи комнатнымъ старшимъ, ст. 35.

2) Тамъ же, ст. 36.

3) У С. К. Смирнова, стр. 268.

слѣднихъ въ инструкціи сказано было: „занятія, необходимыя для исправности по классу, должны быть предметомъ особеннаго и главнѣйшаго вниманія; книгами же полезнаго и пріятнаго содержанія, каковы суть различные журналы и т. п., студенты должны заниматься сколько можно менѣе; чтеніе пріятнаго можетъ быть дозволяемо какъ отдыхъ; пристрастное же занятіе таковымъ чтеніемъ: „а) убиваетъ время, столь нужное для дѣлъ необходимыхъ; б) порождаетъ мало по малу отвращеніе отъ занятій обязанностями званія; в) пріучаетъ къ легкомыслію и къ чувствамъ неприличнымъ для духовнаго воспитанника. Посему будутъ браты на особенное замѣчаніе тѣ, которые стали-бы заниматься чтеніемъ журналовъ и т. п. книгъ ¹⁾“. Какъ легкое и вмѣстѣ пріятное занятіе, студентамъ рекомендовалось инструкціей пѣніе. „Оно,—сказано,—будучи употребляемо въ приличное время, каковымъ вообщіе можно почестъ время по принятіи пищи, и притомъ многими вмѣстѣ, и съ соблюденіемъ мѣрности и согласія, требуемыхъ правилами нотнаго пѣнія, оно можетъ быть столько же полезно для здоровья тѣла, какъ и для благоустроенія духа“ ²⁾. Въ девять часовъ студенты ужинаютъ; въ десять по данному звонку, непременно совершаютъ вечернюю молитву и потомъ уже ложатся спать. Въ воскресные и праздничные дни по первому удару благовѣста они собираются въ залу, становятся по комнатно, и пропѣвъ приличный празднику стихъ, идутъ изъ залы—въ порядкѣ, благочинно въ монастырскую трапезную церковь. Касательно вообщіе поведенія студентовъ, инструкція имъ предписываетъ „въ отношеніяхъ къ начальникамъ и наставникамъ быть почтительнымъ, скромнымъ; въ обхожденіи другъ съ другомъ—благороднымъ, учтивымъ; а въ отношеніяхъ ко виѣшнимъ должна отличать ихъ приличная духовнымъ воспитанниковъ степенность, кротость и благо-разуміе ³⁾).

Въ близкія отношенія и знакомства никто изъ студентовъ не долженъ вступать безъ предварительнаго объясненія съ инспекторомъ. И вообще—инструкціей въ особен-

1) Инструкція ст. 18.

2) Инструкція ст. 20.

3) Инструкциі стат. 23, 24, 26.

ныхъ нуждахъ или особенныхъ состоянiяхъ духа, для коихъ потребны совѣтъ и вразумленiе, предоставляется студентамъ объясняться предъ инспекторомъ во всякое время ¹⁾. Собственно учебныя обязанности студентовъ заключались, кромѣ слушанiя лекцiй въ классѣ, въ домашнихъ письменныхъ упражненiяхъ. Курсы въ академiи были прежде двухгодичныя, и на первомъ курсѣ, въ теченiи первыхъ двухъ-лѣтъ учения, студенты обязаны были, въ извѣстные сроки, представить пять сочиненiй — одно по философiи, два по словесности и два по гражданской исторiи, въ третiй годъ — одно по догматическому богословiю, одно по нравственному, одно по истолкованiю Св. Писанiя, одно по пастырскому богословiю или по гомилетикѣ, одно по церковной исторiи, и сверхъ того двѣ проповѣди ²⁾. Въ продолженiи послѣдняго года студенты писали, такъ называемое, „курсовое“ сочиненiе, „диссертацию“ на степень ³⁾. Кромѣ того, по временамъ профессора назначали имъ темы для классныхъ экспромптовъ, которые писались и на латинскомъ и на русскомъ языкахъ ⁴⁾. Для повѣрки успѣховъ студентовъ служили профессорамъ экзамены, устные и письменные, — въ декабрѣ и июнѣ мѣсяцахъ. Въ июнѣ у студентовъ было собственно два устныхъ экзамена — предварительный и рѣшительный. Въ уставѣ относительно обоихъ было определено: „предварительный экзаменъ производится вопросами профессоровъ и двухъ или трехъ присутствующихъ при ономъ членовъ конференцiи. По окончанiи такого экзамена въ каждой наукѣ порознь и подробно, составивъ съ общаго согласiя особые списки по двумъ разрядамъ, члены экзаменационной комиссiи вносятъ ихъ въ конференцiю, которая послѣ того приступаетъ къ рѣшительному испытанiю студентовъ, приглашая къ оному знатнѣйшихъ какъ изъ духовнаго, такъ и свѣтскаго званiя особъ. Рѣшительное испытанiе производится въ общемъ собранiи также вопросами профессоровъ и присутствующихъ, но объ однихъ только важнѣйшихъ предметахъ; при чемъ студенты въ ло-

¹⁾ Инструкцiи ст. 30.

²⁾ У С. К. Смирнова, стр. 170.

³⁾ У него же, стр. 172.

⁴⁾ Въ арх. Горскаго сохранилось нѣсколько такихъ экспромптовъ.

гической формѣ имѣютъ преніе между собою о философскихъ матеріяхъ, отвѣчаютъ на задачи, неожиданно имъ предложенныя отъ членовъ конференціи и другихъ посѣтителей; говоритъ съ каеэдры разныя диссертациі своего сочиненія на латинскомъ и россійскомъ языкахъ“¹⁾). Рѣшительное испытаніе производилось въ трехъ общихъ собраніяхъ: предметы для нихъ располагались программю. Въ огражденіе точнаго со стороны студентовъ исполненія ихъ обязанностей, уставъ выставлялъ инспекціи цѣлый рядъ воспитательныхъ мѣръ, которыми она могла пользоваться въ случаяхъ надобности. Въ поощреніе благонравію имъ назначались отличія, какъ наир.: а) похвала и одобреніе инспекторомъ студента въ комнатѣ предъ товарищами; б) причисленіе студента къ сословію старшихъ не по должности, но для почести, со всѣми преимуществами, сему присвоенными; в) изъявленіе одобренія студенту въ полномъ присутствіи правленія; г) объявленіе на экзаменахъ и въ другихъ академическихъ собраніяхъ съ каеэдры имени студента и подарокъ съ надписью книги. „Неблагонравіе“ и „строптивость“ рекомендовалось пресѣкать увѣщаніемъ и выговоромъ инспектора, назначеніемъ особеннаго мѣста за столомъ ниже всѣхъ и въ сторонѣ отъ прочихъ, осужденіемъ на хлѣбъ и воду до семи дней, по благоусмотрѣнію инспектора. Когда такія наказанія не приводили къ желаемой цѣли, предоставлялось прибѣгать къ строгому выговору въ правленіи, уединенному заключенію въ карцерѣ и исключенію изъ академіи; но этими мѣрами инспекція могла пользоваться лишь постепенно и съ разборомъ, какъ сказано было въ уставѣ.

Ознакомившись подробно съ требованіями академическаго устава, можно подивиться чрезмѣрной строгости ихъ и, пожалуй, позавидовать доброй жизни студентовъ. Но это значило-бы дивиться и завидовать тому, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было. Въ дѣйствительности все было гораздо иначе: на дѣлѣ требованія не были строги. Вотъ, напр., инспекторскій надзоръ за студентами. Онъ, по самому существу дѣла, не могъ быть и не былъ слишкомъ строгимъ. Надсмотрѣть одному въ академіи надъ всѣми прямо не было

¹⁾ § „Проекта Устава для Дух. Акад.“ 1823 г.

физическій возможности, а потомъ—не всегда и не у всякаго бываетъ къ тому особенная охота: дознано — вмѣшиваться въ чужую жизнь значитъ наживать себѣ непріятностей; и всѣ, къ тому же, — люди. А помощники инспекціи, — такъ называемые — старшіе были изъ числа самихъ же студентовъ, свой имъ братъ, и потому тоже не были придирчивы къ неисправностямъ. Надо полагать, что и сами студенты не особенно стѣсняли себя разными уставными предписаніями, тѣмъ болѣе, что эти предписанія иногда были мелочны и уже по этому самому неудобноисполнимы. Возьмемъ распределеніе уставомъ времени у студентовъ. Въ шесть часовъ утра они должны вставать, въ семь назначалась молитва; надо имѣть особую ревность, чтобы подниматься за цѣлый часъ до молитвы и дожидаться ея. Студенты вставали, вѣроятно, предъ самой молитвой. Восьмой часъ уставомъ предназначался на приготовленіе студентами уроковъ. Едвали студенты, какъ встали, такъ и за уроки. Естественнѣе полагать, что этотъ часъ употреблялся просто на чаеніе, — тѣми, но крайней мѣрѣ, кто имъ тогда занимался. Можетъ быть, нѣкоторые и брали книги въ руки; но это скорѣе „для услажденія пріятнымъ чтеніемъ“. Бывали между студентами и такіе, которые не всегда исправно посѣщали лекціи. На прогулку студентамъ полагался пятый часъ дня. Но извѣстно, что студенты иногда гуляли на Корбухѣ и около скитовъ¹⁾, а для этого конечно требовалось времени болѣе часа. Соблюдалось строго одно только требованіе устава — относительно посѣщенія студентами службъ церковныхъ; неисполненіе этого требованія, какъ нарушеніе прямой заповѣди Господней, въ воспитанникахъ всякаго заведенія учебнаго, тѣмъ болѣе духовнаго — проступокъ, предосудительнѣе котораго и быть не можетъ²⁾. Не задолго до поступленія въ академію Александра Васильевича ректоръ архимандритъ Кирилль, когда студенты въ праздничный день шли изъ залы въ церковь, самъ, говорятъ, стоялъ на пути и по четкамъ считалъ проходившія мимо его пары и потомъ сопровождалъ ихъ съ инспекторомъ въ церковь³⁾. Подъ руками у себя мы не имѣемъ ни инспек-

¹⁾ У С. К. Смирнова, стр. 266.

²⁾ § 75 проекта Устава для Дух. Акад. 1823 г.

³⁾ У С. К. Смирнова, стр. 273.

торскихъ вѣдомостей о поведеніи студентовъ, ни журналовъ старшихъ, и потому не знаемъ, какъ и что писалось тамъ о всѣхъ такихъ студенческихъ отступленіяхъ отъ академическихъ правилъ. Но о нихъ, во всякомъ случаѣ, было извѣстно и митрополиту, въ то время—Филарету, строгому ревнителю порядковъ. Въ 1831 году жизнь студенческая, должно быть, уже слишкомъ далеко отступила отъ начертаннаго для нея въ Уставѣ идеала, когда онъ счелъ нужнымъ писать въ академію: „членамъ конференціи академическаго правленія и наставникамъ академіи рекомендую содѣйствовать начальству въ узнаніи поведенія студентовъ къ соблюденію долга присяги, незазорности мѣста и чести духовныхъ училищъ“¹⁾.

Всѣхъ лекцій (двухчасовыхъ) въ недѣлю у студентовъ было тогда семнадцать²⁾. Такъ какъ главнымъ предметомъ въ высшемъ отдѣленіи было догматическое богословіе, которое обыкновенно читалъ ректоръ, а въ низшемъ—философія, то на занятія этими предметами и обращено было преимущественное вниманіе студентовъ. Прочіе предметы считались второстепенными; а языки стояли еще ниже во мнѣніи студентовъ, и даже начальства. Студенты знали, что если кто изъ нихъ не дастъ на экзаменѣ удовлетворительнаго отвѣта по второстепеннымъ предметамъ, а тѣмъ болѣе — по языкамъ, — не будетъ пониженъ въ разрядномъ спискѣ, только бы хорошо отвѣчалъ по главному предмету. Записывать лекціи въ классѣ, исключая лекцій весьма немногихъ наставниковъ, не было обычая въ Академіи; по мнѣнію студентовъ въ этомъ не было даже и особенной нужды: къ экзаменамъ каждый наставникъ сдавалъ имъ свои въ сжатомъ видѣ лекціи, ихъ и выучивали студенты; а если по какому предмету было печатное руководство, — тогда готовились къ экзаменамъ по печатному³⁾.

Пробнымъ камнемъ для узнанія силы мышленія и степени познаній въ студентѣ—служила диссертация. Не столько отвѣты на повторенія и экзаменахъ давали студенту известное мѣсто въ разрядномъ спискѣ, сколько диссертация.

1) У С. К. Смирнова, стр. 272.

2) См. росписаніе учебныхъ въ Акад часовъ у С. К. Смирнова, стр. 168.

3) У С. К. Смирнова, стр. 170.

Темы для одного изъ богословскихъ и для двухъ по философіи задавались на латинскомъ языкѣ; такъ какъ студенты приносили съ собою изъ семинарій вполне удовлетворительное знаніе этого языка, то на немъ и писались сочиненія по указаннымъ предметамъ. Важнымъ пособіемъ для составленія диссертациі, кромѣ латинскихъ книгъ, служили преимущественно нѣмецкія; потому студенты тотчасъ по поступленіи въ Академію напрягали всѣ силы, чтобы изучить нѣмецкій языкъ такъ, чтобы понимать книги, написанныя на этомъ языкѣ; большая часть изъ нихъ начинали изученіе его съ грамматики. Знаніе нѣмецкаго языка пособляло многимъ занять высшее мѣсто въ спискѣ. Въ Академіи было принято считать лучшимъ то сочиненіе, которое испещрено было цитатами изъ Отцевъ церкви, изъ классическихъ и изъ лучшихъ новѣйшихъ писателей; сочиненіе такого рода показывало, что студентъ много читалъ, что эрудиція его довольно обширна. Были подаваемы иногда такія диссертациі, въ которыхъ, не преувеличивая можно сказать, каждая страница скрѣплена была нѣсколькими учеными цитатами. Сочиненіе, содержащее собственныя сужденія автора и не скрѣпленное печатами постороннихъ авторитетовъ, имѣло меньшее достоинство. Это обстоятельство, требовавшее много времени для чтенія источниковъ и для выписки мѣстъ изъ различныхъ писателей, было причиною того, что не всѣ изъ назначенныхъ диссертациій были подаваемы студентами, и что иные по цѣлому году писали напр. одно философское сочиненіе. Случалось и то, что вслѣдствіе обширности темы студентъ не успѣвалъ кончить всего сочиненія и представлялъ только часть его, которая, если написана была весьма ученымъ образомъ, цѣнилась иногда выше, нежели у другаго цѣлое сочиненіе. За сроками, назначаемыми для подачи сочиненій, строго не слѣдили. Обремененный своею задачею, зная, что отъ нея зависитъ его судьба, студентъ просиживалъ за нею ночи, и это было даже въ модѣ. Были такіе, которые только ночью и работами надъ сочиненіемъ, а вечеромъ спали. При такомъ положеніи дѣлъ диссертациія, задаваемая собственно на два мѣсяца и подаваемая иногда чрезъ десять, достигала значительной толщины. На это въ 1828 году обратилъ вниманіе и митроп. Филаретъ, предписавъ академическому

правленію „требовать не слишкомъ обширныхъ сочиненій“¹⁾).

Учебная дѣятельность студентовъ усиливалась предъ экзаменами. Тогда наставники вмѣсто лекцій занимались со студентами репетиціями. Частные экзамены, собственно говоря, мало имѣли значенія: дѣло велось домашнимъ образомъ, и хотя въ спискахъ дѣлались отмѣтки о качествахъ отвѣтовъ студенческихъ, но въ конференціи, при составленіи переводныхъ списковъ, отвѣты экзаменическіе въ расчетъ не слишкомъ брались, а руководствовались при оцѣнкѣ достоинства студента диссертациями. Случалось, что первый студентъ давалъ на частномъ экзаменѣ плохой отвѣтъ и это однако не имѣло особеннаго вліянія на его судьбу, если „задачи“ у него были лучше всѣхъ. Экзамены публичные не такъ легко сходили съ рукъ студентамъ,—особенно когда ихъ производилъ митр. Филаретъ. Въ 1828 году онъ предписалъ Правленію Академіи: 1) при испытаніи наблюдать, чтобы испытуемые отвѣчали изъ ума и знанія, а не слѣпо изъ учебныхъ книгъ или записокъ. 2) Напомнить студентамъ, хотя сіе само собою должно быть извѣстно, что знаніе главныхъ истинъ, готовое къ отвѣту всякому вѣрующему, есть первое на потребу, которое можетъ быть украшено и дополнено знаніемъ подробностей, но въ которомъ усмотрѣнный недостатокъ не былъ бы покрытъ изученнымъ знаніемъ подробностей въ той или другой части наукъ²⁾. Вотъ эти-то отвѣты „изъ ума и знанія“ и доставляли много горя и хлопотъ и студентамъ и наставникамъ³⁾.

Число студентовъ, по штату, не превышало 120 человекъ. Главный и почти исключительный элементъ студенческаго общества составляли воспитанники изъ духовнаго званія; лица изъ другихъ сословій почти не встрѣчались. При ограниченномъ, сравнительно съ теперешнимъ, числѣ студентовъ, въ помѣщеніяхъ студенческихъ не было тѣсно. На каждый студенческій номеръ приходилось человекъ семь,

1) У С. К. Смирнова, стр. 171. 172. 204.

2) У С. К. Смирнова, стр. 193.

3) У него же, стр. 178.

не болѣе. О чистотѣ, порядкѣ и хорошей мебели въ номерахъ сказать нечего: при незначительности суммы, отпускаемой на содержаніе Академіи, объ этомъ нельзя было и думать тогда. Два простыхъ деревянныхъ стола—одинъ большой, другой маленькій, штукъ семь незатѣйливой работы стульевъ, аналой въ переднемъ углу, шкафъ для книгъ, гардеробъ, а то просто кованая укладка, два или три подсвѣчника желѣзныхъ и щипцы для сниманія съ сальной свѣчи нагорѣвшей свѣтильни, койки по числу обитателей, умывальникъ и тазъ ¹⁾, — вотъ и все убранство номера. Разумѣется, всякій студентъ старался устроиться въ немъ, по возможности, уютнѣе. Поэтому охотниковъ до мѣстъ у большаго стола всегда было мало. Большая часть студентовъ пристраивалась какъ-нибудь у своихъ коеекъ; здѣсь и удобнѣе было: стоялъ стулъ, сундучекъ съ вещами, висѣло полотенце на стѣнѣ, — словомъ все было здѣсь подъ рукой, что ни понадобится; располагаясь у коеекъ и мѣшали другъ другу меньше. Не мудрено, что въ теченіи четырехъ лѣтъ студенты и роднились съ такимъ угломъ.

Содержаніе студентовъ было скудно. Столъ студенческой былъ очень незатѣйливъ и даже грубъ. Ежедневно предлагались имъ только щи и каша, а въ воскресные и праздничные дни прибавлялись къ тому пироги. При постномъ столѣ въ постное время употреблялось конопляное масло. Однажды, говорятъ, когда студенты жаловались инспектору на дурно пропеченный хлѣбъ, о. Евлампій сказалъ: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человекъ“.... Одежда студентовъ состояла изъ выдававшихся на два года суконнаго сюртука синяго или сѣраго цвѣта и пары замшевыхъ перчатокъ и изъ устрояемаго ежегодно шлаффрака таковаго или затрапезнаго, китайчатыхъ панталонъ и жилета; кромѣ того, каждый годъ назначено было выдавать по три сорочки съ исподницами, одному черному платку, или двумъ косынкамъ, по три пары нитяныхъ чулокъ, по двѣ пары сапоговъ и одной парѣ головъ сапожныхъ, и по пуховой круглой шляпѣ. При окончаніи курса студентъ получалъ фракъ синяго или сѣраго сукна съ гладкими бронзовыми пуговицами

¹⁾ См. опись принадлежащихъ Академіи вещей, въ 1828 г., въ дѣлахъ академ. Правленія.

безъ герба. Такое устройство одежды требовалось академическимъ уставомъ. Шинели не полагалось и студентъ долженъ былъ устраивать для себя зимнюю одежду на собственные средства. Конечно, большинство студентовъ имѣло свое собственное верхнее платье, но были и такіе бѣдняки, которые должны были въ однихъ сюртучкахъ проходить изъ Академіи въ трапезную церковь ¹⁾. Въ отношеніи стола и одежды студентамъ вообще было плохо.

На первыхъ порахъ пребыванія А. В—ча въ Академіи, ему пришлось привыкать къ ней. Не легко, по всей вѣроятности, доставалось ему это. Живя дома у отца, онъ ни въ чемъ не испытывалъ нужды или недостатка: предусмотрительная рука родителей всегда во время устраняла лишенія. Въ Академіи, волей-неволей, приходилось знакомиться съ разными неудобствами, а подь часъ — съ голодомъ и холодомъ. Среда едвали могла прійтись ему по вкусу. Студенты, тогда народъ все рослый, съѣхавшійся въ Академію за тысячи верстъ, изъ разныхъ концовъ Россіи, представляли изъ себя самое разношерстное общество, какъ по нарѣчію, такъ и по нравамъ и привычкамъ. Есть пословица: „что ни городъ, то норовъ, что ни деревня, то обычай“; тоже самое было и въ Академіи среди студентовъ. Въ частности относительно ихъ нравовъ можно судить по слѣдующему, случайно намъ встрѣтившемуся примѣру въ бумагахъ Академическаго Правленія. Въ 1829 году, на страстной недѣлѣ великаго поста, изъ Академіи вдругъ неизвѣстно куда скрылся студентъ, по курсу товарищъ А. В—ча, нѣкто И. Львовъ. Комнатный старшій, какъ и слѣдовало, доложилъ о томъ инспектору. Произведены были частнымъ образомъ возможные поиски и разспросы о пропавшемъ въ посадѣ, но слѣдовъ его никакихъ не нашлось. Академическое Правленіе принуждено было послѣ того сообщить объ этомъ случаѣ полицейскимъ властямъ. Ничего не сдѣлали бы можетъ быть и онѣ, если бы пріѣхавшій послѣ Святой изъ Москвы студентъ не донесъ Академическому начальству, что онъ и двое его товаришей, отправившись изъ Академіи въ Москву въ Великій Четвертокъ,

¹⁾ Гр. М. В. Толстой, — Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ. „Богосл. Вѣстн.“, 1894, ноябрь.

настигли Львова верстъ за восемь отъ Лавры; онъ шелъ по дорогѣ къ Москвѣ одинъ, въ двухъ сюртукахъ. Повстрѣчавшись съ ними онъ отвернулся отъ нихъ. По причинѣ поспѣшности, съ какою ѣхали, они опередили его, ничего не сказавши; а видѣли только, что онъ продолжалъ по-прежнему идти впередъ. Послѣ оказалось, что Львовъ ушелъ изъ Академіи безъ спроса, въ намѣреніи идти въ Калугу, на свою родину. „Поелику,—говорится въ документѣ, изъ котораго этотъ случай мы беремъ,—онъ и съ начала поступленія въ Академію обнаруживалъ въ себѣ охоту возвратиться обратно домой,—Академическое Правленіе полагаетъ исключить Львова изъ числа студентовъ за самовольную изъ Академіи отлучку“ ¹⁾, и дѣйствительно,—исключило. Правда, это единственный примѣръ. Положимъ, подъ влияніемъ однообразныхъ занятій наукою и одинаковаго устройства образа жизни черты мѣстнаго быта и нравы съ теченіемъ времени, обыкновенно, сглаживаются и облагораживаются; но, вѣдь, этого долго надобно ждать. Поступивъ въ Академію, А. В.—чѣ сблизился только съ двумя—тремя студентами ²⁾, а съ остальными, какъ видно, сойтись онъ не могъ.

Впрочемъ, и не до товарищей А. В.—чу было, когда пришлось ему учиться первый годъ. Перейдя въ Академію изъ философскаго класса, онъ многого, что знали другіе, конечно, не зналъ. Нужно было догонять однокурсниковъ и для этого нужно было приналечь на науку. И онъ,—дѣйствительно, со всею силой на нее приналегъ. Дѣла было не мало. Чего стоило изученіе нѣмецкаго языка: въ семинаріи его онъ не изучалъ, а въ Академіи онъ былъ необходимъ. Помимо добровольныхъ занятій на А. В.—чѣ лежали и обязательныя, какъ и на другихъ. Вскорѣ послѣ приемныхъ экзаменовъ, курсу даны были темы для домашнихъ сочиненій. Приходилось работать надъ ними. Не опускались и классныя лекціи. Нынѣ здравствующій, графъ М. В. Толстой, и теперь вспоминаетъ, какъ въ старину они съ А. В.—чемъ „всегда сидѣли рядомъ на лекціяхъ Ѳ. А.

¹⁾ Инспекторская записка о состоян. Акад. отъ 6 по 26 апрѣля 1829 г. за № 74, въ дѣлахъ Правл. Акад.

²⁾ Съ Авиновымъ, Мещеринимъ и Орлинскимъ. (Дневникъ приб. къ Твор. Св. Отц. Т. XXXIV, стр. 85 и 93).

Терновскаго“. *Θ. А.* „преподавалъ всемірную исторію среднихъ вѣковъ, весьма краснорѣчиво и подробно излагалъ основаніе новыхъ государствъ на развалинахъ Западной Римской имперіи и еще увлекательнѣе описывалъ крестовые походы. Ни въ одной исторіи нельзя было найти такихъ занимательныхъ подробностей и такой живой связи между событіями, какъ въ его запискахъ. Старательно записывали мы съ Горскимъ эти лекціи“. Часто сидѣли они вмѣстѣ и на лекціяхъ исторіи философіи, еврейскаго и греческаго языковъ ¹⁾).

Въ усиленныхъ занятіяхъ прошелъ весь учебный годъ. Изъ разрядныхъ списковъ студентовъ, представленныхъ профессорами въ Правленіе предъ началомъ іюньскихъ экзаменовъ, видно, на сколько *А. В.* успѣлъ за это время въ классныхъ предметахъ: въ списокъ бакалавра гражданской исторіи онъ былъ записанъ восьмымъ студентомъ; у бакалавра греческаго языка—вторымъ; у лектора нѣмецкаго языка—одиннадцатымъ ²⁾). Точно не узнаемъ, какъ шель онъ по другимъ предметамъ; но судя потому, что въ общемъ списокѣ, составленномъ послѣ экзаменовъ, ему было отведено пятое мѣсто ³⁾, надо думать,—также успѣшно, какъ и по этимъ. Нельзя назвать совсѣмъ удачными его письменныя работы. Во время декабрьскихъ экзаменовъ онъ подалъ экспромптъ, въ цѣлый листъ мелкаго письма, на тему: „Quaenam est dignitas logica in relatione ejus ad alias scientias?“ Бакалавръ логики Новскій написалъ на экспромптѣ такой отзывъ: „sunt quaedam, quae ad rem faciunt“. А на семестровомъ сочиненіи, поданномъ въ томъ же году на тему: „Какія были причины успѣховъ философіи у Грековъ?“ читавшій его профессоръ подписалъ только „естъ надежда“ ⁴⁾). Изъ этихъ первыхъ опытовъ академическихъ упражненій *А. В.*—ча видно, что онъ еще не созрѣлъ для серьезнаго умственнаго труда. Это сознавалъ, кажется, и онъ, когда ѣхалъ на вакацію домой съ твердымъ намѣреніемъ посвятить ее научнымъ трудамъ. *Θ. А. Голубинскій* далъ ему и дѣло и планъ занятія имъ.

¹⁾ „Хранилище моея памяти“. Душен. Чтен. 1890 г. III, стр. 506.

²⁾ См. разрядн. списки въ дѣлахъ Правлен. Ак. за 1828 г.

³⁾ Тамъ же.

⁴⁾ Обѣ работы хранятся въ арх. Г—го.

Дѣтомъ, въ продолженіе одного мѣсяца, не много успѣлъ одѣлать А. В—чъ. Отецъ, въ августѣ, провожая его въ Академію, отправилъ съ нимъ къ Теодору Александровичу письмо, въ которомъ благодарилъ его за неоставленіе сына и извинялся за него въ неисполненіи имъ всей своей задачи. „Достопочтеннѣйшій о. протоіерей, Теодоръ Александровичъ! Какъ и чѣмъ благодарить миѣ Васъ за то, что видѣли глаза мои въ безцѣнныхъ строкахъ Вашихъ отъ 5 іюля! Все отъ Бога; довольство и скудость, крѣпость и слабость, развитіе насъ самихъ извнѣ и изнутри, и противоположная сему оцененѣлость—все отъ Бога; но сколько бы обязательная скромность Ваша ни скрывала попеченія свои, свою заботливость, свою отеческую любовь къ питомцу Вашему, приписывая благоуспѣшность теченія его на поприщѣ его занятій разнovidнымъ причинамъ: я слѣлъ бы былъ, если бы не видѣлъ, безчувственъ, если бы не сознался, что Вы, незабвенный благодѣтель, и путь ему показываете, и въ пути его предворяете, и на пути его поддерживаете. Я не наблюдатель, и не изъ собственныхъ опытовъ, по крайней мѣрѣ изъ опытовъ опытнѣйшихъ знаю, что самыя добрыя сѣмена, на доброй землѣ сѣмая, гибнуть, если не мѣрно и не во время орошаются, и заботливо не очищаются отъ плевелъ само-собою растущихъ съ ишеницею. Благотворитель отличнѣйшій. Отецеская Ваша попечительность о сынѣ моемъ такъ велика, что сдѣлавъ все для него и нужное и полезное при глазахъ Вашихъ,—озаботились оградить его и внѣ крова Вашего мудрыми совѣтами и наставленіями. Кто меня разувѣритъ, что это не особенная Ваша къ нему любовь? Не знаю, не уклонился-ли слишкомъ далеко отъ Вашихъ начертаній много—до преизбытка взысканный Вами юный Горскій, ничего почти не собравъ подъ отечественнымъ небомъ—на поляхъ родныхъ, и возвращаясь, повидимому, тощъ подъ Вашу священную сѣнь. Успокоивась на добротѣ сердца Вашего, съ совершенною довѣренностію возвращаю Вамъ въ полное Ваше распоряженіе преданнѣйшаго и признательнѣйшаго предъ Вами Горскаго ¹⁾).

Во второй разъ (въ 1829 году) А. В—чъ пріѣхалъ въ Академію почти какъ домой: въ теченіе предшествующаго

¹⁾ Письмо у Д. Θ. Голубинскаго.

года онъ свылся съ ней. Обстановка, среда и пр. его не пугали какъ годъ тому назадъ; для него все это было теперь своимъ. До января занятія и все—шло своимъ чередомъ. Но тутъ случился съ А. В.—чемъ одинъ эпизодъ.

Въ Академіи 19 января происходило постриженіе въ монахи студента Дм. Гумилевскаго, въ послѣдствіи знаменитаго Филарета Черниговскаго. Обрядъ сильно тогда подѣйствовалъ на душу А. В-ча. Подъ вліяніемъ живыхъ впечатлѣній онъ тотчасъ же послалъ родителямъ письмо, въ которомъ просилъ ихъ дать ему благословеніе на принятіе чина иноческаго. Наступили дни тревожнаго ожиданія отвѣта и внутренней къ тому борьбы. Наконецъ 28 января послѣдовалъ изъ Костромы отвѣтъ, гнѣвный и довольно рѣзкій. „Другъ нашъ милый, любезный сынъ Александръ Васильевичъ! писалъ ему отецъ. Благоговѣйныя твои чувства къ равноангельному иночеству поставили меня въ такое недоумѣніе, что я не знаю, чему оныя приписать и какъ ихъ назвать. Щастливый путь къ небесамъ юному Филарету! но неужели только на воскресиліяхъ иноческихъ и влетаютъ въ горнія области? И за нами и предъ нами и вокругъ насъ тысячи, не сотни опытовъ доказали и будутъ доказывать, какъ скользка и какъ опасна стезя монастырская. Если бы не блескъ митры и панагіи обманывалъ своимъ сіяніемъ пылкую и порывистую юность; то пустыни вѣрно были бы пустыми. Прямое самоотверженіе не въ словахъ, слѣдовательно и не въ повтореніи клятвъ и обѣтовъ, и мною и тобою данныхъ и принятыхъ. Сдѣлай милость, если впередъ случится тебѣ быть зрителемъ церемоніи постриженія какого-либо сотрудника, то смотри на это безъ жару, гораздо поравнодушнѣе, съ совершеннымъ хладнокровіемъ, безъ всякой зависти. Вообще на все обворожительное и прелестное надо-бы глядѣть со стороны невыгодной; въ противномъ случаѣ мишуру примешь за золото, или пустую тѣнь за тѣло. Торонливая, необдуманная поспѣшность въ моихъ глазахъ ничего болѣе не обѣщаетъ, какъ минутный метеоръ, который блеснетъ и исчезнетъ. Мать твоя все это прослушала и говоритъ: хорошенько его!“¹⁾ Разумѣется, послѣ такого письма А. В.

¹⁾ Письмо помѣщено у С. К. Смирнова въ статьѣ: „Воспоминанія объ А. В. Г-мъ“. Правосл. Обзор. 1876 г. III. 482.

не пошелъ въ монахи; но вся эта исторія на долго всколыхнула его.

Не смотря на это къ концу учебнаго года успѣхи А. В-ча оказались отличными. Декабрьское сочиненіе его по логикѣ было написано имъ „основательно“, по отзыву профессора; на сочиненіи по философіи, которое А. В-чъ писалъ на тему: „Изъ началъ философскихъ какое можно вывести справедливое заключеніе о внутреннемъ послѣ смерти состояніи той души, которая въ теченіи настоящей жизни приобрѣла дурныя наклонности?“ Ѳ. А-вичъ Голубинскій написалъ: „есть нѣкоторыя сужденія догадочныя, но много и основательныхъ изслѣдованій. Слогъ чистый и живой. Очень хорошо“; а ректоръ Поликарпъ рядомъ приписалъ: „можно надѣяться, что сочинитель останется между первыми студентами“. По гражданской исторіи два сочиненія его вышли прямо прекрасными. Ѳ. А. Терновскій, читавшій тогда этотъ предметъ, писалъ на одномъ: „и мысль и слогъ цвѣтущіе; несомнѣнно можно ожидать плода“; и на другомъ: „разсужденіе по основательности мыслей, правильности расположенія ихъ и по обработанности слога очень хорошее“, и тутъ же было прибавлено: „изъ многихъ историческихъ подробностей видна въ сочинителѣ охота заниматься чтеніемъ книгъ историческихъ“¹⁾.

При переходѣ на богословскій курсъ А. В-чъ занялъ уже четвертое въ разрядѣ мѣсто²⁾.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, послѣ экзаменовъ, по обыкновенію онъ поѣхалъ домой. Ѳ. А. Голубинскій воспользовался этимъ случаемъ и подробно отписалъ родителямъ, какъ успѣлъ ихъ сынъ. В. С-чъ былъ растроганъ извѣстіемъ до глубины души. Онъ видѣлъ, что это было единственно по его милости и расположенію его къ ихъ сыну, и потому въ августѣ, когда А. В. отправился въ Академію, опять писалъ ему: „на пріятнѣйшее для меня по всему и обязательнѣйшее письмо Ваше что буду отвѣчать?—Благодарить Васъ—въ мѣру Вашихъ благодѣяній—на дѣлѣ и не могу и не умѣю; оставаться же безгласнымъ—по бесилію моему и неумѣнію, и стыжусь и совѣщусь. Ваши милости по-

¹⁾ Сочиненія хран. въ арх. Горскаго.

²⁾ См. разр. списки студ. въ дѣлахъ Акад. Правл. за 1830 г.

ставляютъ меня въ крайности такого должника, который заимодавцу своему заплатить долга своего никогда не будетъ изъ состояніи. Если покровительствуемый Вами и хвалящійся особенно Вашею къ себѣ любовью сынъ мой взошелъ въ кругу сверстниковъ своихъ на такую степень, о которой Вы извѣстили меня; то безъ сумнѣнія симъ лестнымъ и для меня и для него счастіемъ онъ обязанъ Вашему къ нему отеческому благорасположенію и вниманію, которое и способы къ сему открыло, и руководствовало въ пути, и подкрѣпляло въ изнеможеніи“. В. С., должно быть, опасался за успѣхи сына на богословскомъ курсѣ, котораго въ семинаріи онъ не слушалъ и потому еще продолжалъ: „какъ бы щастливы мы были всѣ, если бы ожидающая его (сына) вторая половина академическаго поприща также протекла благоуспѣшно, какъ и первая! Ласкать себя такую надеждою тогда только можно, когда и на будущее время Вы, Благодѣтель незабвенный, ввѣряемаго Вамъ не оставите всѣмъ тѣмъ, что искушенная Ваша опытность и доброта сердечная признають для него нужнымъ и полезнымъ. Ваши совѣты, Ваши наставленія тѣмъ болѣе будутъ необходимы для моего сына на новомъ поприщѣ, что онъ съ ожидающими его предметами вовсе почти не ознакомленъ. — Не откажитесь озарить мрачный для него путь преизбыточествующимъ Вашимъ совѣтомъ“. Въ виду молодыхъ лѣтъ сына отцу не хотѣлось, чтобы сынъ назначенъ былъ старшимъ въ номерѣ; и сынъ раздѣлялъ это желаніе. По этому поводу отецъ дальше въ письмѣ пишетъ Голубинскому: „и мнѣ и ему (сыну) хотѣлось бы естаться еще на два года въ той комнатѣ, въ которой онъ два года былъ и тепель, и покоенъ, и подѣ особеннымъ вниманіемъ; а паче всего не быть старшимъ (если падетъ на него такой жребій) надъ сверстниками своими. Извините меня, что и этимъ осмѣливаюсь безпокоить. Вы разгадываете, недожидаясь объясненія, причину общей, моей и его, объ этомъ заботливости ¹⁾. Начальство Академіи, не смотря на просьбу Голубинскаго, не исполнило ихъ желанія, и А. В. назначенъ старшимъ въ тогдашнемъ четвертомъ номерѣ.

Въ этомъ именно номерѣ и въ этотъ годъ засталъ въ

1) Письмо отъ 17 авг. 1830 г., у Д. О. Голубинскаго.

Академіи А. В—ча покойный профессор П. С. Казанскій. Тогда онъ только что началъ ходить изъ Виѣаніи учиться къ своимъ братьямъ—студентамъ, изъ которыхъ одинъ жилъ подѣ старшинствомъ А. В—ча въ четвертомъ номерѣ. Вспоминая потомъ то далекое время въ Академіи, номеръ, обстановку его, порядки и самихъ обитателей, Петръ Симоновичъ пишетъ, распространяясь объ А. В—чѣ, въ одномъ мѣстѣ: въ четвертомъ номерѣ, кромѣ Горскаго, было шесть человекъ, двое изъ Виѣанской, и четверо изъ Ярославской семинаріи. Горскаго всѣ студенты, жившіе у него, боялись какъ близкаго къ инспектору Евлампію. Онъ почти ежедневно послѣ ужина, вмѣстѣ съ А. В. Восторговымъ (товарищемъ Горскаго) ходилъ къ Евлампію для какого-то толкованія писанія и просиживалъ у него до 12-ти часовъ. Къ Горскому въ комнату изъ товарищей почти никто не ходилъ, изрѣдка приходили земляки. Онъ ни съ кѣмъ почти изъ жившихъ съ нимъ въ комнатѣ студентовъ не говорилъ и всегда былъ за дѣломъ. Всѣ студенты занимались за общимъ столомъ, но у комнатныхъ старшихъ былъ особый столикъ, на немъ они и занимались и чай пили. Столикъ Горскаго былъ поставленъ въ самомъ углу между двумя окнами и онъ, когда садился за него, то не видалъ никого. Впрочемъ, когда онъ былъ за дѣломъ, то никто изъ студентовъ не позволялъ себѣ говорить громко, а говорили шопотомъ, и никто не ходилъ по комнатѣ. Всѣ студенты вели себя смиренно; ярославцы по бѣдности и чаю никогда не пили. Послѣ еще перевели ярославца Зоровскаго сухорукаго. Этотъ инѣгда шумѣлъ, но товарищи стращали его Горскимъ и онъ утихалъ“¹⁾).

Вѣроятно, при переходѣ же на богословскій курсъ А. В—чъ былъ поставленъ и уставщикомъ въ академической церкви. По крайней мѣрѣ, П. С., въ томъ же мѣстѣ, говорить: „и читалъ, и канонаршилъ онъ очень громко. Это было для него самое пріятное занятіе. Когда онъ на праздники уѣзжалъ, то оцутительно было въ академической службѣ его отсутствіе“²⁾).

Учебный годъ, первый—ученія на богословскомъ курсѣ,

¹⁾ Изъ моихъ воспоминаній объ А. В. Г—мъ по поводу рѣчи проф. С. Смирнова. Прав. Обзор. 1876 г., III, 847.

²⁾ Стр. 848.

какъ то неловко начался для А. В—ча; а начавшись, неловко продолжился, хотя отъ другой причины, и для всѣхъ студентовъ.

По осени, въ одинъ изъ долгихъ вечеровъ, для проведенія свободнаго часа времени, А. В. съ другими двумя товарищами сѣли въ карточную игру въ вистъ. Двое тѣхъ позволили себѣ на счетъ его какіи-то шутки. Это неприятно подѣйствовало на А. В—ча. Игра чрезъ нѣсколько времени прекратилась. — Повидимому, самая обыкновенная и простая вышла исторія; но она повлекла за собою не столь обыкновенныя послѣдствія. А. В. сразу отшатнулся послѣ того отъ своихъ товарищей и рѣшилъ твердо въ душѣ начать новый родъ жизни—уединенный, одинокій, только съ собою съ глазу на глазъ; и тогда же, какъ видимый вещественный залогъ своей рѣшимости, повелъ свой дневникъ¹⁾. Эти слѣдствія, въ свою очередь, вызвали было дальнѣйшее. Начавъ уединенную жизнь, А. В. вспомнилъ о монашествѣ и опять обратился къ отцу съ моленіемъ—разрѣшить ему вступить въ монашество, представивъ много основаній, оправдывавшихъ его желаніе. На этотъ разъ В. С. отвѣчалъ ему въ довольно мягкомъ тонѣ, но замѣтилъ, что самому вызываться на монашество не слѣдуетъ, а если начальство, какъ орудіе Промысла, укажетъ новую стезю жизни, тогда—съ Богомъ. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предлагалъ ему предварительно посовѣтоваться по тому дѣлу съ Ѳ. А. Голубинскимъ²⁾. Это только и спасло А. В—ча отъ рѣшительнаго шага: Ѳ. А. стоялъ въ своихъ убѣжденіяхъ не за монашество и, должно быть, отговорилъ его.

Весь 1830—31 годъ былъ на Руси тяжелымъ годомъ страшнаго общественнаго бѣдствія: по всѣмъ мѣстамъ Россіи свирѣпствовала тогда сильнѣйшая холера. Печальное это событіе отозвалось тогда на всѣхъ дѣлахъ въ отечествѣ, между прочимъ, и на учебномъ; краемъ за дѣло и нашу Академію. Какъ и насколько, можно судить по письмамъ А. В—ча къ своему дядюшкѣ Василию Григорьевичу, смотрителю Луховскихъ, въ Костромской епар-

¹⁾ Дневникъ. Приб., XXXIV, 86.

²⁾ См. „Воспомяванія С. К. Смирнова. Прав. Обзорѣн., 1876 г., III, стр. 482.

хія, училищъ. Въ одномъ изъ нихъ онъ пишетъ: „что вамъ написать о вѣстяхъ печальныхъ, вѣстяхъ—чуть-ли не всероссійскихъ?—Что дѣлается въ Костромѣ, страдающей холерой, то, думаю, вамъ уже извѣстно до подробности; скажу о томъ, что дѣлается и около насъ. —Посадъ со стороны Переяславля, Угличской дороги и Александровской или уставленъ карантинномъ или оцѣвленъ. Нашъ Владыка, какъ нашимъ начальникамъ велитъ особенное о насъ прилагать стараніе, такъ и самъ подаетъ въ томъ примѣръ:—на сихъ дняхъ прислалъ намъ для куренія въ комнатахъ какой-то порошокъ. По милости Божіей надѣмся быть спокойны и живы подъ покровомъ преподобнаго Сергія.—Московская семинарія уже распущена, университетъ, медицинская академія—закрѣты. Виѣанской семинаріи также сдѣлано предложеніе, въ случаѣ нужды, отпустить учениковъ по домамъ—отъ самаго Преосвященнѣйшаго.—Насъ отпускать—некуда: потому мы и среди всеобщаго волненія, какъ будто въ самомъ безопасномъ мѣстѣ и въ самое безопасное время, сами въ себѣ спокойны ¹⁾“. Въ другомъ, чрезъ двѣ недѣли, своему дядюшкѣ А. В. сообщаетъ: „сегодня и къ намъ отъ Преосвященнѣйшаго пришло повелѣніе сократить часы ученія—шесть въ два; размѣстить студентовъ по комнатамъ гораздо просторнѣе; а для сего занять и нѣкоторыя изъ учебныхъ залъ; и говѣть, а поговѣвши—не болѣе впрочемъ трехъ дней—пріобщиться Св. Таинъ, и далѣе—жить кому Богъ велитъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда не знаютъ мѣръ чловѣческихъ для отвращенія бича Божія, то нѣтъ лучше средства, какъ прибѣгать къ самой десницѣ наказующей! Что писать къ вамъ болѣе, право, не знаю. Просимъ помнить насъ, доколѣ мы живы, и поминать, когда умремъ“ ²⁾).

Такъ не въ отдыхѣ, и не въ дѣлѣ шелъ у студентовъ этотъ годъ. А. В.—чѣ, пользуясь множествомъ свободнаго, вслѣдствіе сокращенія учебныхъ часовъ, времени, усиленно работалъ надъ своими сочиненіями ³⁾ и работа принесла ему

¹⁾ Письмо цѣликомъ помѣщено въ ст. Н. Троицкаго. (Чт. въ об. Л. Д. Пр., 1881 г., Ноябрь, 427.)

²⁾ Воспомин. о прот. А. В. Г-мъ, стр. 430.

³⁾ См. письмо къ нему В. С. отъ 21 апр. 1881 г. у О. П. Салмановой. „Изъ прежняго письма твоего првмѣтно, что у тебя и часовъ нѣтъ свободныхъ, не только дней! Какъ я чѣмъ облегчить твои недосуги. Данный

свой плодъ. Проповѣдь его на недѣлю мясопустную вышла прекрасной. В. С. сердечно радовался этому и писалъ ему: „благодаримъ Бога, сколько умѣемъ и можемъ, что Онъ труды твоего проповѣдничества, безъ сумнѣнія стоившіе тебѣ и поту и бессонницы, благословилъ и для тебя и для насъ иожделѣннымъ успѣхомъ. Возвѣстивши пришествіе Судии Небеснаго во всей славѣ быть имѣющее, дай Богъ изъяснить тебѣ и всю кротость Его, явленную во Іерусалимѣ— съ одинаковымъ успѣхомъ“, —желалъ онъ подѣлить съ нимъ, имѣя въ виду вторую его проповѣдь ¹⁾.

По случаю эпидеміи Коммиссія Духовныхъ Училищъ предписала всѣмъ семинаріямъ и училищамъ произвести годовыя экзамены послѣ вакаціи. Такъ и было вездѣ сдѣлано. Но въ Академіи, гдѣ ученіе, собственно говоря, не прерывалось, экзамены происходили своевременно. А. В.—чь въ разрядномъ спискѣ еще былъ повышенъ ²⁾.

Наступила послѣдняя вакація. А. В. вполне отдыхалъ. Въ Костромѣ гостилъ тогда у кого то изъ своихъ родственниковъ молодой бакалавръ Академіи П. П. Птицынъ. Съ нимъ, по большей части, и дѣлилъ свои досуги А. В.—чь ³⁾. Нѣсколько разъ писалъ ему изъ Академіи и Ѳеодоръ Александровичъ. Онъ намѣревался провести лѣто съ своимъ семействомъ въ родной Костромѣ; но не прекратившаяся еще совсѣмъ холера пугала его отправиться въ такое путешествіе: поэтому онъ и справлялся часто у А. В.—ча о ходѣ болѣзни въ Костромѣ. Тотъ ему отвѣчалъ.

Переписываясь время отъ времени съ А. В.—мъ, Ѳеодоръ Александровичъ не забылъ и его отца: прислалъ и ему письмо. Сообщая въ немъ В. С.—чу о успѣхахъ сына, онъ нѣсколько коснулся въ письмѣ и будущей жизни его: указалъ на возможные для него поприща, далъ наставленіе, какъ скорѣе вступить на лучшее изъ нихъ, и

для разсужденій предложенія, кажется, не такъ сухи, чтобы требовали слишкомъ многого мозголу. Совѣтъ мой старинный и обыкновенный— громадой не удивись. Всего не вычерпаешь“.

¹⁾ Письмо В. С. отъ 3 марта 1831 г., у О. П. Салмановой.

²⁾ См. ихъ въ дѣлахъ Правл. Акад. за 1831 г.

³⁾ См. письмо А. В. Г.—го къ Ѳ. А. Голубинскому отъ 7 іюня 1831 г. у Д. Ѳ. Голуб.—го.

высказалъ свое на это пожеланіе. Василій Сергѣевичъ отвѣчалъ Ѡ. А—чу. За любовь къ сыну онъ его благодарилъ, а относительно взглядовъ на его будущее писалъ ему: „мудрыя Ваши замѣчанія на счетъ могущаго открыться покровительствуемому Вами питомцу новаго поприща—напередъ образованія, потомъ и самаго образа жизни, я почитаю священными: и на оныя скажу только то, что я, при всей моей невнимательности, успѣлъ позамѣтить изъ уроковъ собственнаго моего опыта: усиленное домогательство неблагословляется свыше, между тѣмъ благопокорная преданность Провидѣнію рано или поздно сверхъ чаянія достигаетъ счастья и даже тамъ, гдѣ онаго и видно не было! Настоящее поприще таково, что съ онаго во всѣ состоянія открыты пути: дай Богъ пройти оное благоуспѣшно! а будущее оставимъ устроенію Отца небеснаго. Правящій кормиломъ вселенныя ужели изнеможетъ управить малѣйшій челнокъ въ мирное и безбѣдное пристанище?“¹⁾ Какъ мы увидимъ послѣ, А. В—чу не пришлось хлопотать о своей служебной карьерѣ; она устроилась помимо его.

Въ послѣдній годъ пребыванія въ Академіи А. В—ча много развлекали, пожалуй и тревожили, семейныя обстоятельства—судьба сестры. П. П. Птицынъ, о которомъ мы упоминали, лѣтомъ сдѣлалъ Юліи Васильевнѣ предложеніе; родители дали свое благословеніе. Но о свадьбѣ ни съ той ни съ другой стороны не было никакого помину. Птицынъ послѣ вакаціи возвратился въ посадь, а дѣло оставалось все въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Родители сомнѣвались, не измѣнитъ-ли онъ свои на счетъ женитьбы планы. Общее семейное смущеніе приразилось и А. В—чу.

Птицынъ лишь въ октябрѣ сказалъ рѣшительное свое слово. В. С—чъ счелъ нужнымъ сообщить объ этомъ сыну. „Другъ нашъ милый, Александръ Васильевичъ! — писалъ онъ ему. Не удивляйся, что получаешь отъ насъ отвѣтъ безъ твоего вопроса; причиною сего письмо П. П. По крайней краткости времени не находя возможности отвѣчать на его строки, развязавшія наши руки и успокоившія нѣсколько смутившуюся мать, я рѣшился поручить тебѣ—объявить П. П. общую нашу благодарность за то, что онъ

1) Письмо отъ 16 августа 1831 г., у Д. Ѡ. Г—го.

рѣшительнымъ своимъ послѣднимъ отзывомъ устранилъ невольное наше недоумѣніе, не ко времени и не къ мѣсту на насъ напавшее, прояснилъ такъ чисто свои расположенія, что и слѣды мрачной мнительности изгладились изъ нашихъ думъ. Доселѣ дѣйствовали мы во всемъ, что нужно, безостановочно; теперъ начнемъ дѣйствовать поспѣшнѣе. Время у недосуговъ летить быстрѣе обыкновеннаго. Есть приготовленное, много готовится, а для будущаго еще болѣе: сколько надобно ногъ, сколько рукъ, сколько головъ. „Дай Богъ и силы и терпѣнія!“ Въ концѣ этихъ строкъ В. С. кстати сообщилъ А. В.—чу, что они думаютъ и ему приготовить обновку—суконный, на ватѣ, по послѣднему покрою, плащъ; и спрашивалъ его, есть ли у него для вѣста (Филипповскаго) калачи ¹⁾.

Свадьба сестры состоялась въ началѣ новаго года (1832), когда А. В. на святки пріѣхалъ домой.—Доживать въ Академіи учебный годъ ему пришлось такимъ образомъ въ постоянномъ почти обществѣ „молодыхъ“, т. е. зятя и сестры. Среди скучной и однообразной студенческой жизни это общество для него было большимъ развлеченіемъ. Къ сожалѣнію, замужество сестры случилось слишкомъ поздно для него: чрезъ четыре-пять мѣсяцевъ начались уже экзамены—послѣдніе въ жизни А. В.—ча. Послѣ цѣлаго года спокойной жизни, студентамъ богословскаго курса приходилось теперь встрепенуться: надо было сдавать публичный экзаменъ, да еще въ присутствіи митр. Филарета. Уже заранѣе всѣ знали, что это будутъ за экзамены. Въ предшествующіе годы, митрополитъ, еще за недѣлю до экзаменовъ и болѣе требовалъ отъ академическаго правленія конспекты—и по всѣмъ предметамъ, пройденнымъ въ теченіи учебнаго года, и особо по предметамъ, назначеннымъ для публичнаго испытанія. Эти конспекты онъ просматривалъ всегда довольно строго; дѣлалъ на нихъ иногда замѣчанія, въ особенности выражалъ всегда желаніе, чтобы конспекты для публичнаго испытанія составлялись съ полнымъ вниманіемъ и осторожно, такъ какъ они предназначались къ печатанію. Наканунѣ экзамена онъ обыкновенно пріѣзжалъ въ Лавру и останавливался въ своихъ монастырскихъ покояхъ. На другой день

¹⁾ Письмо отъ 17 ноября 1831 г., въ архивѣ Горскаго.

съ трепетомъ студенты ждали его прихода въ классъ (до Академіи онъ шель пѣшкомъ). Послѣ общей молитвы, митрополитъ садился и приглашалъ садиться другихъ—профессоровъ и почетную публику. Студентовъ онъ вызывалъ къ столу самъ лично, по имянно, по три человека; здѣсь они отвѣчали на вопросы, предлагаемые имъ большею частію преподавателями, а иногда и имъ самимъ. Когда стоявшій у стола студентъ не давалъ удовлетворительнаго отвѣта, митрополитъ со словами: „кто скажетъ?“ обращался ко всему курсу. Этотъ приемъ онъ повторялъ неоднократно въ каждый экзаменъ—„для усмотрѣнія преимущественной способности и готовности къ отвѣтамъ на вопросы неожиданные“: Послѣ нѣсколькихъ попытокъ разрѣшить вопросъ умами студентовъ, наконецъ покрывалъ дѣло онъ самъ, давая на свой вопросъ отвѣтъ полный и ясный. Случалось, впрочемъ, что митрополитъ, при неудачномъ отвѣтѣ студента, сердился, выходилъ изъ себя, и начиналъ экзаменовать самого учителя. Тутъ трепетали всѣ. По окончаніи испытанія послѣ того какъ пропоютъ: „буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“, онъ подходилъ къ студентамъ и, въ заключеніи всего, обращался къ нимъ съ привѣстственнымъ и наставительнымъ словомъ. Академическіе экзамены Филаретъ всегда признавалъ однимъ изъ важныхъ и серьезныхъ своихъ занятій, и предъ другими выставлялъ это занятіе, какъ достойное употребленія на него продолжительнаго времени, которымъ вообще онъ дорожилъ ¹⁾).

Въ настоящій разъ публичные экзамены продолжались два дня часовъ по пяти—по шести ²⁾). И тутъ дѣло не обошлось безъ курьеза. На экзаменѣ по библейской исторіи, когда одинъ изъ вызванныхъ студентовъ не отвѣтилъ на вопросъ митрополита: „что такое вода окропленія“ (Числ. гл. 19) митрополитъ обратился ко всѣмъ студентамъ съ словами: кто скажетъ? Студентъ Смѣловскій всталъ и отвѣчалъ: это вода изъ пепла рыжей юницы.... Митрополитъ сказалъ ему: „scuse te signa. Какъ вода изъ пепла? Студентъ исправилъ неточное выраженіе и далъ отвѣтъ удовлетворительный. Какъ прошла гроза для А. В—ча,—доставѣрно не знаемъ.

¹⁾ У С. К. Смирнова, стр. 190, 193, 194, 187, 202.

²⁾ У него же, стр. 189.

По крайней мѣрѣ въ аттестатѣ у него сказано: „въ наукахъ богословскихъ, философскихъ, въ словесности церковной и всеобщей, въ исторіи церковной и гражданской на окончательномъ испытаніи оказался успѣвшимъ отлично хорошо; въ языкахъ: еврейскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и французскомъ—очень хорошо,—при способностяхъ отлично хорошихъ, прилежаніи постоянномъ и поведеніи примѣрномъ“¹⁾.

А. В. окончилъ академическій курсъ третьимъ магистромъ. Предшествующія мѣста въ спискѣ заняли: Тимоѳей Успенскій (Филоевъ, м. Кіевскій) и Стефанъ Протопоповъ (протоіерей московск., недавно умершій). Оба первые магистра оставлены бакалаврами Академіи²⁾; а А. В. долженъ былъ ждать себѣ назначенія по духовно-учебному вѣдомству.

Съ экзаменами вмѣстѣ порвались и нити, связывавшіе дотолѣ А. В.—ча съ Академією. Теперь ему въ ней нечего было дѣлать; оставалось проститься со всѣмъ дорогимъ въ Академіи, въ посадѣ, и отправляться домой, на родину: тамъ должна была начаться новая для него, неизвѣданная еще имъ жизнь—на привольѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С. Поповъ.

¹⁾ Копія съ аттестата А. Горскаго, въ дѣлахъ Правлен. Акад. за 1832 г.

²⁾ „Воспоминанія“ С. К. Смирнова. Прав. Обзор. 1876 г, III. 468.